

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-8>

УДК 339.727.22, 339.727.24

JEL F1, F2, F3, F5, F6

М. О. Тураева , А. А. Яковлев ^{а, б)} Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация^{б)} МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Инвестиционная стратегия Китая: перспективы сотрудничества с Россией¹

Аннотация. Анализ российско-китайского инвестиционного сотрудничества в настоящее время довольно затруднителен ввиду отсутствия полноты статистических данных, связанного с разным подходом к учету инвестиций в Китае, России и международных организациях, а также с закрытием российской внешнеэкономической статистики с 2022 г. В статье агрегируются и сопоставляются данные из открытых источников за период 2022–2025 гг.: статистика UNCTAD по движению ПИИ, мониторинги Евразийского банка развития, данные Национального бюро статистики КНР, таможенная статистика Китая по товарным потокам, а также информация о реализуемых инвестиционных проектах из отраслевых отчетов. Результаты показывают, что стратегия Китая по экспорту капитала, превратившая его в ключевого глобального инвестора, во многом становится ответом на современные геополитические вызовы и помогает решать внутренние проблемы китайской экономики. Между тем, уровень инвестиционного взаимодействия между Россией и Китаем отстает от близости политических и торговых связей двух стран. К началу 2025 г. объем накопленных китайских ПИИ в мире достиг 3,14 трлн долл., тогда как доля накопленных Китаем инвестиций в России после 2016 г. не достигала и 1 % общего объема запасов китайских инвестиций в странах мира (наибольшее значение этого показателя – 0,7 % – пришлось на 2022 г.). Основной масштаб этих инвестиций сосредоточен в ресурсодобывающей и перерабатывающей инфраструктуре, включая строительство совместных предприятий, в том числе в области автомобилестроения. Все более выгодными становятся совместные проекты по производству высокотехнологичной продукции для атомной энергетики. Рекомендации по решению проблем наращивания двустороннего сотрудничества касаются углубления межправительственного диалога для снижения рисков вторичных санкций, создания совместных инвестиционных фондов, развития приграничных территорий опережающего развития и упрощения визовых и административных процедур для бизнеса.

Ключевые слова: инвестиционная стратегия Китая, российско-китайское сотрудничество, инициатива «Пояс и путь», прямые иностранные инвестиции, антироссийские санкции, технологическое взаимодействие

Для цитирования: Тураева, М. О., Яковлев, А. А. (2026). Инвестиционная стратегия Китая: перспективы сотрудничества с Россией. *Экономика региона*, 22(3), 579–596. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-8>

¹ © Тураева М. О., Яковлев А. А. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Madina O. Turaeva ^{a)}, Artem A. Yakovlev ^{b)}^{a, b)} Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation^{b)} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

China's Investment Strategy: Prospects for Cooperation with Russia

Abstract. Analysis of Russian-Chinese investment cooperation is constrained by incomplete statistical data, differences in investment accounting methodologies, and the closure of Russian foreign economic statistics in 2022. To address these limitations, this article consolidates and compares data from publicly available sources for 2022–2025, including UNCTAD statistics on FDI flows, Eurasian Development Bank monitoring data, data from the National Bureau of Statistics of the People's Republic of China, Chinese customs statistics on trade flows, and information on ongoing investment projects from industry reports. The findings demonstrate that China's capital export strategy, which has transformed the country into a major global investor, is driven in part by contemporary geopolitical challenges and contributes to addressing structural challenges within the Chinese economy. At the same time, the scale of investment cooperation between Russia and China remains below the level suggested by the strength of their political and trade relations. By the beginning of 2025, China's global outward FDI stock had reached \$3.14 trillion. However, since 2016, Chinese investment stock in Russia has accounted for less than 1 % of China's total global investment stock, with the highest share of 0.7 % recorded in 2022. Most Chinese investments in Russia are concentrated in resource extraction and processing, infrastructure, and the establishment of joint ventures, particularly in the automotive sector. Joint projects aimed at producing high-tech products for the nuclear energy sector are also becoming increasingly promising. Recommendations for expanding bilateral investment cooperation include strengthening intergovernmental dialogue to mitigate the risks of secondary sanctions, establishing joint investment funds, developing priority development areas in border regions, and simplifying visa and administrative procedures for businesses.

Keywords: China's investment strategy, Russian-Chinese cooperation, Belt and Road Initiative, foreign direct investment, anti-Russian sanctions, technology cooperation

For citation: Turaeva, M. O., & Yakovlev, A. A. (2026). China's Investment Strategy: Prospects for Cooperation with Russia. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 22(3), 579–596. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-8>

Введение

По мере укрепления экономических позиций Китайской Народной Республики усилилась ее международная инвестиционная позиция: из страны-реципиента Китай превратился в одного из основных доноров прямых инвестиций (Глинкина, 2016). Современное состояние китайского «Выхода во вне» было институционально оформлено в 2013 г. с провозглашением инициативы «Пояс и путь» (ИПП) (Sarker et al., 2018). Для сотрудничества с Россией и постсоветским пространством был предложен проект по состыковке сухопутной части ИПП – Экономического пояса Шелкового пути (ЭППШ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также более емкая концепция, включающая состыковку проектов – Большая Евразия (Zhao, 2018; Андреева и др., 2025). Резкое повышение экономического сотрудничества Китая с постсоветскими странами (Numaun, 2024), в том числе и с Россией, вызывало немало опасений, связанных как с формированием экономической зависимости от КНР, так и со снижением роли России в регионе¹. Однако геополитические со-

бытия последних лет: торговые войны Китая и США (Chen, 2024), антироссийские санкции «коллективного Запада», эскалация конфликтов в разных регионах Евразии, перестройка энерготранспортных коридоров Европы и Азии, — по мнению авторов статьи, показали, что сближение России и ее партнеров по ЕАЭС с КНР является оптимальным и чуть ли ни единственно верным вариантом ответа на те вызовы, которые стоят перед странами в условиях формирования нового миропорядка. В процессе смены глобальной системы управления задачи усиления национальных экономик и укрепления технологического суверенитета остро стоят перед большинством стран Евразии. В перспективе этим странам могут быть интересны совместные инвестиционные проекты и на территории третьих стран (например, в странах ЕАЭС), что могло бы способствовать снижению рисков, связанных со вторичными санкциями.

Авторы статьи попытались проанализировать текущее состояние и перспективные направления российско-китайского инвестиционного сотруд-

¹ Ведомости. (2015, 26 октября). Как Китай отвоевывает у России Центральную Азию. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/26/614254-kitai-aziyu-rossii> (дата

обращения: 17.04.2026); Ведомости. (2016, 14 января). Китай предпочитает Казахстан. Экономисты Я. Лисоволик и Е. Винокуров о китайских инвестициях в СНГ. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/15/624086-kitai-predpochitaet-kazakhstan> (дата обращения: 17.04.2026) и др.

ничества в рамках динамически изменяющегося внешнеэкономического курса КНР, пришедшегося на эру инициативы «Пояс и путь».

Обзор литературы

Современная внешняя экономическая стратегия Китая основана на доктринальных документах, среднесрочных стратегиях и планах пятилеток (в 2026 г. стартовал XV пятилетний план до 2030 гг.). С начала объявления реформ китайской модернизации (1978 г.) мир изменялся, менялось и внешнее позиционирование Китая. В литературе разных периодов широко освещается генезис концепций на пути к созданию модели социалистической рыночной экономики высокого уровня, которая является максимой и сутью реформ (см., например, Кулинцев, 2021; Скосырев, 2025 и др.¹).

После разворота российской внешней политики на Восток и объявления о состыковке проектов ЭПШП и ЕАЭС вышло большое количество работ об имплементации этой договоренности и экономическом сотрудничестве Китая с Россией и странами ЕАЭС. Однако основной акцент в них сделан на концептуальной оценке политического конструкта объявленного сопряжения, на российско-китайских отношениях и анализе экономических связей (см., например, Лузянин, 2017; Лузянин, Афонасьева, 2017; Макаров, Соколова, 2016; Скриба, 2016; Ларин, 2016; Ефременко, 2018; Malle, 2017; Wei et al., 2024).

Инвестиционное сотрудничество Китая с Россией и странами ЕАЭС освещено в значительно меньшей степени, чем торговое, что можно объяснить сравнительно небольшими объемами этого вида сотрудничества, а также сложностями доступа к адекватным, релевантным данным и статистике. Ситуация усугубилась после прекращения в 2022 г. открытого опубликования данных российскими официальными органами. Среди наиболее значимых работ последних лет, посвященных инвестиционному сотрудничеству, можно отметить серию периодических мониторингов и аналитических докладов Евразийского банка развития (ЕАБР). Эти мониторинги отличает высокая оперативность. К примеру, уже в до-

кладах 2025 г. были представлены данные о китайских инвестициях в страны ЕАЭС за 2024 и первую половину 2025 г.² Содержательно и методологически эти мониторинги «выросли» из работ А.В. Кузнецова, на протяжении почти 20 лет занимающегося структурой и масштабами прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в России и российскими инвестициями за рубежом (см., например, Кузнецов, 2007а и 2007б). Также очевиден его вклад в создание первых подобных исследований Центра интеграционных исследований ЕАБР 2012 г. (Кузнецов, 2012) и ИМЭМО РАН.

Интересными представляются работы китайских коллег, посвященные инвестиционному сотрудничеству в новых условиях, где подчеркивается, что несмотря на высокий уровень развития отношений между Китаем и Россией, инвестиционное сотрудничество с момента введения санкций замедлилось, крупные китайские предприятия не проявляют активность, опасаясь вторичных санкций, новые инвестиции в Россию идут, как правило, от среднего бизнеса в отрасли с низким уровнем санкционного риска. В то же время отмечается, что после ухода западных компаний с российского рынка для китайского бизнеса открылось окно возможностей, чтобы занять освободившиеся ниши, и при осторожном подходе инвестиции в Россию будут весьма перспективными (Zhang, 2022; Dai & Yang, 2023; Wang, 2024; Xu et al., 2025).

Данные и методы

Поскольку с 2022 г. официальные данные о прямых инвестициях в Россию открыто не публикуются, в статье используется статистическая информация из международных и китайских статистических баз данных, а также информация о конкретных реализуемых Китаем проектах. Важно отметить, что информация до 2022 г. из российских и китайских источников и международных баз часто существенно не совпадает ввиду разных систем учета, трудностей в определении источников инвестиций и др. (Тураева, Яковлев, 2025), что при проведении анализа может исказить реальную картину объемов инвестиционного сотрудничества. С целью устранения пробелов в статье используется агрегированный анализ доступных данных, включая данные UNCTAD о движении ПИИ в конкретных странах, оценки ЕАБР и Национального координационного центра международного делопро-

¹ 中国改革论坛网 [China Reform Forum]. (2020, 30 декабря). 彭森回顾改革开放40年 (1978–2018) 的经验和总结 [Пэн Сен анализирует опыт и подводит итоги 40-летнего периода реформ и открытости (1978–2018)]. URL: <http://www.chinareform.org.cn/2020/1230/34611.shtml> (дата обращения: 17.04.2026); 于晓 [Юй, С.], & 矫磊 [Цзяо, Л.]. (2011). “走出去”战略概述 [Обзор стратегии «Выхода на глобальный уровень»]. 研究与探讨 [Исследования и дискуссии], (2). URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjytt/159/1743.shtml> (дата обращения: 17.04.2026).

² Евразийский банк развития. (2026). Евразийский регион и страны-партнеры из Азии: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР (Доклад № 26/2). URL: https://eabr.org/upload/iblock/f3b/k606ualjfmgyosmizko3wa7idehrl1j9/EDB_2026_MMI_Asia_Summary_Rus.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

вого сотрудничества (НКЦ¹), а также информация об инвестиционных проектах из открытых источников.

Результаты исследования

Истоки инвестиционной стратегии КНР. Как известно, глобальная инициатива «Пояс и путь»² (кит. 一带一路), реализуемая КНР уже 14-й год, стала органичным продолжением начавшейся в 1978 г. под руководством Дэн Сяопина реформы открытости (кит. 改革开放)³. Выбранная в конце 1970-х гг. руководством КНР цель создания социалистической рыночной экономики высокого уровня предполагала поиски уникального, подходящего только Китаю формата внешнеэкономической открытости, и с 1979 г. вывоз инвестиций за рубежи Китая стал одним из инструментов национальной политики (Zhang, Corrie, 2018). Вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) после 15 лет непростых переговоров (до 1995 г. с ГАТТ) (Чжу, Вэй, 2022) в 2001 г. стало историческим событием с точки зрения дальнейшей судьбы реформы открытости. За четверть века с момента вхождения в ВТО Китайская Народная Республика прошла путь от страны, которая, ускоряя реформы⁴, отстаивает свой уникальный статус и черты плановости национальной модели развития (Zhao, 2011), до главного лоббиста упрощения инвестиционного процесса и реформатора ВТО⁵.

Важнейшей вехой на пути к современной китайской внешней торговой и инвестиционной политике стало также принятие внешнеэкономической стратегии «Выход во вне» (кит. 走出去战略), официально представленной в ходе 5-го пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) 15-го созыва в 2000 г. (Zheng & Chun, 2010). Реализация данной стратегии привела к тому, что уже к концу XI пятилетки (2006–2010 гг.) внутренние ин-

весторы Китая осуществили прямые инвестиции в 3125 иностранных предприятий в 129 странах мира, а совокупные нефинансовые ПИИ Китая достигли 258,8 млрд долл.⁶

Основная часть этих ПИИ была направлена в обрабатывающую, легкую промышленность, машиностроение, электронику. Несмотря на то, что большая часть китайских ПИИ была сосредоточена в Юго-Восточной Азии (Gong, 2019), быстрыми темпами росло инвестиционное присутствие КНР в других регионах: Африке, Латинской Америке, Центральной Азии (Shakhriyor, 2024). Параллельно с этим крупные китайские корпорации активно приобретали за рубежом торговые сети, лицензии, патенты на технологии, научно-исследовательские центры и индустриальные парки, открывали свои отделения (Gottwald-Belinic & Sonora, 2024)⁷.

Следуя своему курсу и стараясь реагировать на динамику внешней конъюнктуры (Gopalakrishnan et al., 2022) и внутренние изменения, руководство КНР модифицировало правила, корректировало экономико-политический инструментарий. Вследствие этого уже во время реализации ИПП были, в частности, приняты:

— Стратегия «Сделано в Китае — 2025» (кит. 中国制造 2025), затрагивающая XIII и XIV пятилетки; основными задачами стали высокотехнологичное производство и модернизация промышленности⁸;

— Стратегия «Двойной циркуляции» (кит. 双循环), представленная на заседании Политбюро ЦК КПК в мае 2020 г. и ставшая своего рода реакцией на пандемию, антикитайские торговые войны и стремительно меняющуюся геополитическую среду. В стратегии предусматривался баланс внешнего и внутреннего контура с постепенным повышением роли последнего в среднесрочной перспективе (Кулинцев, 2021). Это означало опору на внутренний рынок, научные инновации и технологии, повышение уровня благосостояния на фоне роста открытости экономики и содействия потокам ПИИ⁹.

¹ В состав соучредителей НКЦ входят корпорация АЕОН, холдинг РЖД, Институт Китая и современной Азии РАН, группа FESCO, холдинг Газпром-медиа.

² Это название вошло в обиход позже, а в 2013 г. был анонсирован «Экономический пояс шелкового пути» и «Морской шелковый путь».

³ 中国改革论坛网 [China Reform Forum]. (2020, 30 декабря). 彭森回顾改革开放40年 (1978–2018) 的经验和总结 [Пэн Сен анализирует опыт и подводит итоги 40-летнего периода реформ и открытости (1978–2018)]. URL: <http://www.chinareform.org.cn/2020/1230/34611.shtml> (дата обращения: 17.04.2026).

⁴ Речь, в частности, об уступках Китая в ходе переговоров с ГАТТ по либерализации торговли, валютной системы, отказе от ряда нетарифных ограничений, открытии доступа на внутренний рынок и т. д.

⁵ ТАСС. (2026, 26 января). Китай в 2026 году намерен активизировать усилия для реформирования ВТО. URL: <https://tass.ru/ekonomika/26250847> (дата обращения: 17.04.2026).

⁶ 于晓 [Юй, С.], & 矫磊 [Цзяо, Л.]. (2011). “走出去” 战略概述 [Обзор стратегии «Выхода на глобальный уровень»]. 研究与探讨 [Исследования и дискуссии], (2). URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/159/1743.shtml> (дата обращения: 17.04.2026).

⁷ Например, компании Huayuan, Wanxiang, Yuanda Air Conditioning и др.

⁸ 国务院 [Государственный совет КНР]. (2015, 8 мая). 关于印发《中国制造2025》的通知 [Уведомление о выпуске стратегии «Сделано в Китае 2025»]. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/qt/201505/t20150520_967388.html (дата обращения: 17.04.2026).

⁹ 新华网 [Синьхуа]. (2020, 26 августа). 习近平为我国“新发展阶段” 定向 [Ориентиры Си Цзиньпина на «Новый этап развития» страны]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/xxjxs/2020-08/26/c_1126413307.html (дата обращения: 17.04.2026).

К концу 2024 г. объем накопленных за рубежом Китая инвестиций, согласно официальным данным КНР, достиг 3,14 трлн долл.¹ Справедливо отметить, что 61,2 % этой суммы (1,92 трлн долл.) накоплены в специальном административном районе Китая — Гонконге. При опубликовании официальной статистики Китай не включает Гонконг, считая его внешней юрисдикцией (Тураева, Яковлев, 2025). Также следует отметить, что в преддверии XIV пятилетки (2021–2025 гг.), накануне которой принималась стратегия «Двойной циркуляции», руководством КНР открыто артикулировался объем трудностей для китайской экономики, связанный с «бурными изменениями, в которые вступил мир». Эту стратегию называли также «Поворотом во внутрь» (кит. 重心向內轉) на контрасте с названием «Выход во вне»².

Задачи XV пятилетки (2026–2030 гг.), которая должна быть утверждена Всекитайским собранием народных представителей весной 2026 г.³, сохраняют преемственность с задачами XIV пятилетнего плана. В их числе развитие положений предыдущих стратегий с упором на снижение зависимости от импорта критически важных материалов, развитие экономики с учетом внешних факторов (Meng et al., 2023), рост уровня жизни населения, ставка на инновационное развитие, углубление торговых отношений со стратегическими партнерами, переход к зеленой экономике и улучшение экологии⁴. Безопасность через самодостаточность — центральная идея XV пятилетки⁵. Розничную торговлю и ритейл при этом предполагается рассматривать как главный драйвер внутреннего спроса и развития региональных рынков⁶. Что касается перспектив для ИПП, предложено поощрять открытость и инновационную торговлю, развивать каналы

двустороннего инвестиционного сотрудничества и повышать качество построения ИПП⁷.

В целом среди изменений внешнего контура, пришедших на эру продвижения ИПП, самыми значимыми для инициативы, на наш взгляд, стали:

- ратификация в 2016 г. Китаем Парижского соглашения с обязательствами (обновленные ОНУВ 2021 г.⁸) выйти на пик выбросов к 2030 г. и углеродной нейтральности к 2060 г. Это существенно отразилось на приоритетах в инвестициях и в выборе проектов ИПП в странах-участниках (особенно в так называемых проектах с нуля / Greenfield project), несмотря на то что Китай — крупнейший эмитент парниковых газов и потребитель углеводородов⁹;

- торговые противостояния КНР и США, начавшиеся при первой администрации Д. Трампа;

- пандемия COVID-19 и постковидное восстановление, которые, помимо прямого влияния на глобальное производство, существенно отразились на способах транспортировки и направлениях мировых товарных потоков, а следовательно — на инвестициях в вариативность логистики (преимущественно сухопутной) в рамках ИПП;

- начало СВО России на Украине, последовавшие за этим антироссийские санкции, давшие импульс реэкспорту и новой итерации перестройки евразийской товарно-сырьевой логистики;

- возникающие и эскалирующие региональные конфликты (в том числе военизированные) в странах — участниках ИПП;

- второе избрание президентом США Д. Трампа и новые реалии политики протекционизма и тарифных войн. Сюда же можно отнести риск невозможности использования объектов ИПП, которые США считают зоной своих стратегических интересов (как это происходит с инфраструктурой стран Карибского бассейна — Панамским каналом¹⁰, месторождениями в Венесуэле). В новой стратегии безопасности

¹ National Bureau of Statistics of China. (n.d.). Easy Query. URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01> (дата обращения: 17.04.2026).

² The New York Times. (2020, September 8). Xi's Post-Virus Economic Strategy for China Looks Inward. URL: <https://cn.nytimes.com/business/20200908/china-xi-economy/zh-hant/dual> (дата обращения: 17.04.2026).

³ На момент работы над статьей текст документа был представлен на 4-м пленуме ЦК КПК 20-го созыва.

⁴ CGTN. (2025, 24 октября). План победы. В Китае готовятся к началу реализации 15-й пятилетки. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-10-24/1981601697670275074/index.html> (дата обращения: 17.04.2026).

⁵ Инфо ШОС. (2025, 14 ноября). Китай: пятилетка на марше. Пленум КПК утвердил амбициозный план пятнадцатой пятилетки развития страны. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=43996> (дата обращения: 17.04.2026).

⁶ PRC. Today. (2025, 12 декабря). 15-я пятилетка: фокус на региональные рынки и цифровую интеграцию. URL: <https://prc.today/15-ya-pyatiletka-plan-razvitiya-rozничnoj-torgovli-kitaya-na-2026-2030-gody> (дата обращения: 17.04.2026).

⁷ 人民日报 [People's Daily]. (2025, 24 октября). 中共二十届四中全会在京举行 [В Пекине состоялся IV пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая 20-го созыва]. URL: https://paper.people.com.cn/rmrb/pc/content/202510/24/content_30111092.html (дата обращения: 17.04.2026).

⁸ Ministry of Ecology and Environment of the People's Republic of China. (2021). China's Achievements, New Goals and New Measures for Nationally Determined Contributions. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/China%E2%80%99s%20Achievements,%20New%20Goals%20and%20New%20Measures%20for%20Nationally%20Determined%20Contributions.pdf> (дата обращения: 17.04.2026).

⁹ Василенко, Е. П., Сидоровский, М. О., Шишигин, С. В. (2024). Китай на пути к углеродной нейтральности (Аналитическая записка). Москва: Банк России, 22.

¹⁰ Portnews. (2026, 4 февраля). Китай требует от властей Панамы изменить позицию по концессии портов и обратился в арбитражный суд. URL: <https://portnews.ru/news/387573> (дата обращения: 17.04.2026).

2026 г. США признают Китай вторым (после США) мировым лидером во всех отраслях, могущество которого растет. В связи с этим политика сдерживания КНР, особенно в Индо-Тихоокеанском регионе, остается одним из главных приоритетов обеспечения безопасности США, а экономические инструменты как метод борьбы будут использоваться все активнее¹;

— ренессанс интереса ЕС к странам Азии и Африки, их инфраструктуре и минеральным ресурсам;

— волны мирового экономического и энергетического кризисов и т. д.

Иначе говоря, с момента своего официального старта инициатива «Пояса и пути», которую также определяют «зонтичной», т. е. включающей китайские инвестиции и кредиты за рубежом (Скосырев, 2025, с. 109), продвигалась на фоне адаптации Китая как ко внутренним структурным социально-экономическим изменениям, так и к проявлениям глобальной турбулентности на внешнем контуре, вовне (Liu & Yao, 2021). При этом «встраивание» Китая в глобальную архитектуру, оставаясь «Ding an sich»², равно как и внутренние изменения, весьма красноречиво отражаются и в модернизации среднесрочных планов развития КНР, и в призывах Китая к пересмотру сложившихся принципов глобального управления³. При этом необходимость реформы глобального управления руководство КНР тесно увязывает с повышением глобальной открытости и противодействием любым проявлениям протекционизма⁴.

В связи с этим, говоря о китайской политике продвижения вовне капитала, производственных мощностей, рабочей силы под «зонтиком» ИПП (Rahman, 2022), нужно иметь в виду, что концепт этого проекта не статичен. Он меняется под влиянием множества экзогенных и эндогенных факторов, однако ключевые интересы инициативы всегда будут продолжением многолетней реформы модернизации экономической модели КНР.

Инвестиции КНР. Рассмотрим динамику потоков и накоплений инвестиций, происходя-

щих из Китая и направленных в его экономику. При оценке потоков и запасов инвестиций методологическим препятствием является проблема наличия информации (Тураева, Яковлев, 2024), а также сопоставимость данных из разных источников.

В 2024 г. обзорный доклад UNCTAD⁵, выделяя глобальные тенденции мировых инвестиционных моделей, обозначил снижение роли Китая в качестве реципиента ПИИ одной из десяти главных мировых тенденций предыдущих лет. В обзорном докладе 2025 г. падение инвестиционных потоков признается UNCTAD уже общемировой тенденцией (и в Китае тоже), в то время как рост притока ПИИ в 2024 г. был зафиксирован в Африке, странах «со структурно слабой и уязвимой экономикой» и в тех странах, где произошли крупные слияния/поглощения. В этом докладе также отмечено, что значительно изменился состав 100 крупнейших ТНК: теперь в него вошло больше азиатских технологических и цифровых корпораций. Более 20 % доходов 100 крупнейших транснациональных (или, как сейчас их называют, многонациональных) компаний в 2024 г. получено технологическими корпорациями⁶.

Характерно, что в мониторинге глобальных инвестиционных трендов UNCTAD по итогам 2025 г., опубликованном в начале 2026 г., говорится о заметной смене трендов: страны ЕС нарастили приток ПИИ на 56 %, трансграничная активность слияния/поглощения снизилась на 22 %. Проекты с нуля, которые на протяжении нескольких лет быстро росли и концентрировались вокруг обрабатывающей промышленности, энергетики и глобальных цепочек стоимости, в среднем по регионам начали терять объем финансирования, направляя ПИИ теперь в ИИ, полупроводники, дата-центры.

Относительно притока ПИИ в КНР в мониторинге UNCTAD отмечено, что зафиксировано падение притока иностранных инвестиций третий год подряд. Показатель сократился на 8 % и составил, по оценкам, 107,5 млрд долл. Хотя мониторинг — это не годовой обзор, а лишь исследование текущей ситуации, тем не менее не вполне понятно, почему в 2024 г. падение притока ПИИ в Китай было названо глобальной тенденцией, а в 2026 г. уже говорится, что глобальная тенденция через три года после обзора сохраняется только третий год подряд.

¹ U.S. Department of Defense. (2026, January 23). 2026 National Defense Strategy. URL: <https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.pdf> (дата обращения: 17.04.2026).

² «Вещь-в-себе», или «ноумен» по И. Канту.

³ РИА Новости. (2025, 1 сентября). Си Цзиньпин выдвинул инициативу глобального управления. URL: <https://ria.ru/20250901/kitay-2038853574.html> (дата обращения: 17.04.2026).

⁴ РСМД. (2026, 3 февраля). Внешняя открытость высокого уровня: новый инструмент глобального Китая. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vneshnyaya-otkrytost-vysokogo-urovnya-novyy-instrument-globalnogo-kitaya> (дата обращения: 17.04.2026).

⁵ UNCTAD. (2024). Global Economic Fracturing and Shifting Investment Patterns. A Diagnostic of 10 FDI Trends and Their Development Implications. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diae2024d1_en.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

⁶ Организация Объединенных Наций. (2025). Доклад о мировых инвестициях за 2025 год. Международные инвестиции в цифровую экономику. Обзор. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_overview_ru.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

Снижение ПИИ в КНР действительно нужно рассматривать в контексте глобальной динамики ПИИ, не вырывая его из контекста динамики притока ПИИ в другие страны/регионы (Тураева, Яковлев, 2025). Кроме этого, необходимо также иметь в виду, что при учете входящих в Китай ПИИ Гонконг, Макао и Тайвань считаются внешними юрисдикциями¹, тогда как при учете китайских прямых инвестиций за рубежом точных формулировок на этот счет не дано².

На рисунке 1 по левой оси представлена динамика прямых инвестиций Китая и Гонконга, Макао, Тайваня («территорий»), по правой оси — динамика совокупных мировых прямых инвестиций. Видно, что динамика исходящих прямых инвестиций из Китая и его «территорий» в целом соответствует мировым трендам, кроме пандемийного 2020 г., когда мировые инвестиции существенно сократились, а в Китае и его «территориях» наблюдался рост входящих и исходящих инвестиций. С 2023 г. наблюдается рост притока инвестиций в «территории» на фоне сокращения инвестиций в континентальный Китай.

На рисунке 2 приведено соотношение экспорта и импорта ПИИ Китаем и (отдельно) его территориями за 2015–2024 (2025³) гг. Из диаграммы видно, что за рассматриваемый период аккумулированные входящие потоки ПИИ всегда превышали исходящие (в сумме) по «территориям». Что касается материкового Китая, то такая картина наблюдалась с 2019 по 2022 г. Во все остальные годы рассматриваемого периода Китай оставался нетто-экспортером ПИИ, что, собственно, соответствует его стратегии «Выхода во вне» и парадигме реформ открытости. Можно также отметить, что период, в который совокупный импорт инвестиций превышал их вывоз, также пришелся на время имплементации модели «двойной циркуляции».

На рисунке 3 по правой оси показана динамика накопленных континентальным Китаем инвестиций, по левой оси — динамика его инвестиций в нефинансовые активы, включая инвестиции в нефинансовые активы проектов инициативы «Пояс и путь».

Характерно, что стратегия приобретения нефинансовых активов (сооружений, оборудования, объектов интеллектуальной собственности, технологий, долей в уставном капитале, месторождений) и иные формы «парковки» китайского капитала в странах-партнерах практико-

вались КНР на протяжении многих лет, задолго до анонса ИПП. Из диаграммы видно соотношение вложений в нефинансовые активы по проектам ИПП. Политика нефинансовых инвестиций в зарубежные активы — это долгосрочный курс Китая и одна из реализаций «Выхода во вне».

«Пояс и путь» при всей своей масштабности больше использует и такие каналы взаимодействия со странами-участницами, как заключение зарубежных контрактов (в первую очередь касающихся инфраструктурного обеспечения) и приобретение нефинансовых активов (рис. 4).

По анализу китайских источников становится понятно, что привлечение иностранного капитала и иностранных инвесторов — приоритет внешнеэкономической политики КНР в настоящее время. Внедряются дополнительные инструменты для поощрения иностранных инвесторов. Это, например, касается открытия счетов, управления активами ТНК на территории КНР, различных послаблений для граждан Китая, которые активны в инвестициях⁴. Примечательно, что китайские статистические органы ввели изменения по учету ПИИ в 2025 г.⁵ Поскольку наращивание привлекаемых ПИИ — важнейший приоритет текущей внешнеэкономической политики КНР⁶, в ближайшей перспективе ожидаем рост показателя, если и не вполне по экономическим мотивам, то при помощи коррекции методологии учета и представления статистики ПИИ в КНР.

Сотрудничество Китая и России: ключевые направления. Как уже отмечено, мы стараемся учитывать и сравнивать различные доступные источники информации. Для оценки российско-китайского инвестиционного сотрудничества необходимо иметь в виду как проблемы несовпадения систем учета и разрыв во времени публикаций, так и трудности определения происхождения капитала, вызванные самой приро-

⁴ 国务院办公厅 [Информационное бюро Государственного совета КНР]. (2025, 23 июля). 国务院新闻办就2025年上半年外汇收支数据情况举行发布会 [Информационное бюро Государственного Совета провело пресс-конференцию, посвященную данным о валютных доходах и расходах за первое полугодие 2025 г.]. URL: https://www.gov.cn/lianbo/fabu/202507/content_7033414.html (дата обращения: 17.04.2026).

⁵ 商务部, 国家统计局, & 国家外汇局 [Министерство торговли КНР, Государственное статистическое управление КНР, Государственное управление валютного контроля КНР]. (2024, 25 декабря). 《对外直接投资统计制度》修订说明 [Описание пересмотра «Статистической системы прямых иностранных инвестиций»]. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/fec/202501/20250106151048590.docx> (дата обращения: 17.04.2026).

⁶ Портал «Пояс и путь». (2025, 24 февраля). В Китае опубликован план действий по стабилизации иностранных инвестиций на 2025 год. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/0GBAH97.html> (дата обращения: 17.04.2026).

¹ Outward Foreign Direct Investment.

² National Bureau of Statistics of China. (2024). Explanatory Notes on Main Statistical Indicators. In China Statistical Yearbook 2024 (p. 367). Beijing, China. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/html/zbe11.pdf> (дата обращения: 17.04.2026).

³ 2025 г. — текущая оценка Министерства коммерции (торговли) КНР и UNCTAD.

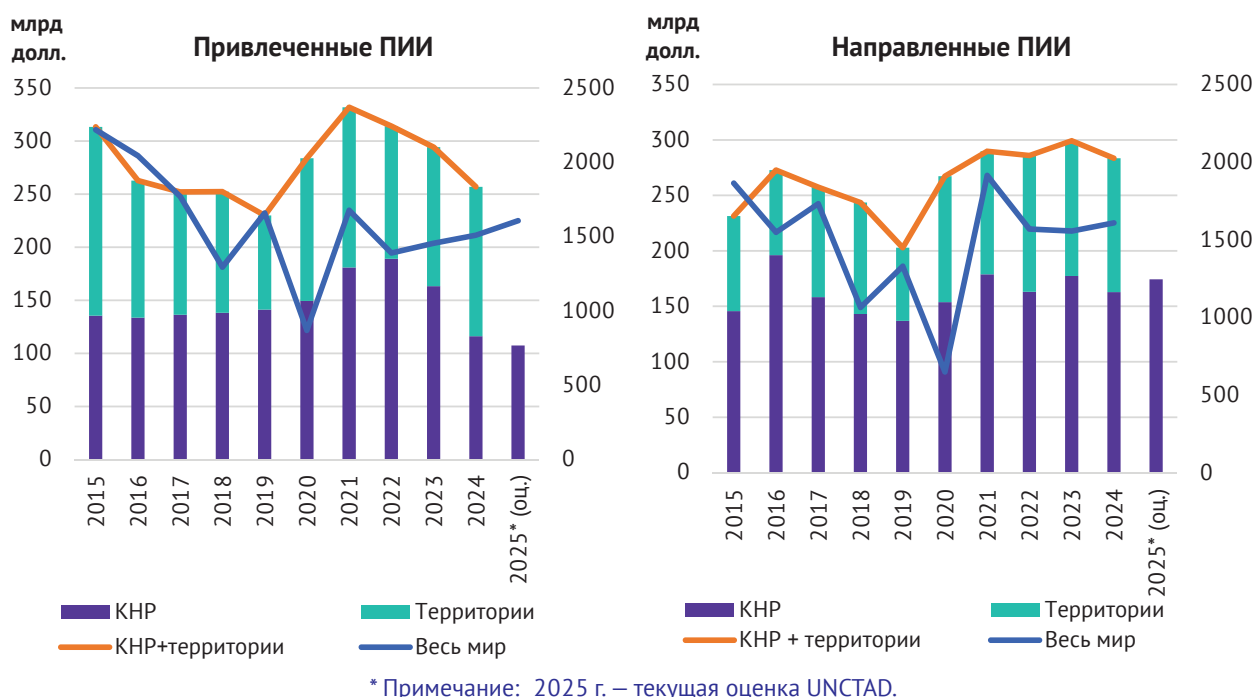

Рис. 1. Входящие и исходящие в/из Китая и Гонконга, Макао, Тайваня («территории») ПИИ, 2015–2025 гг., млрд долл. (источник: рассчитано авторами по данным UNCTAD. URL: <https://unctad.org/> (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 1. Inward and outward FDI to/from China and Hong Kong, Macao, and Taiwan (the "territories"), 2015–2025[1], USD billion (source: authors' calculations based on UNCTAD data. URL: <https://unctad.org/> (accessed 17.04.2026))

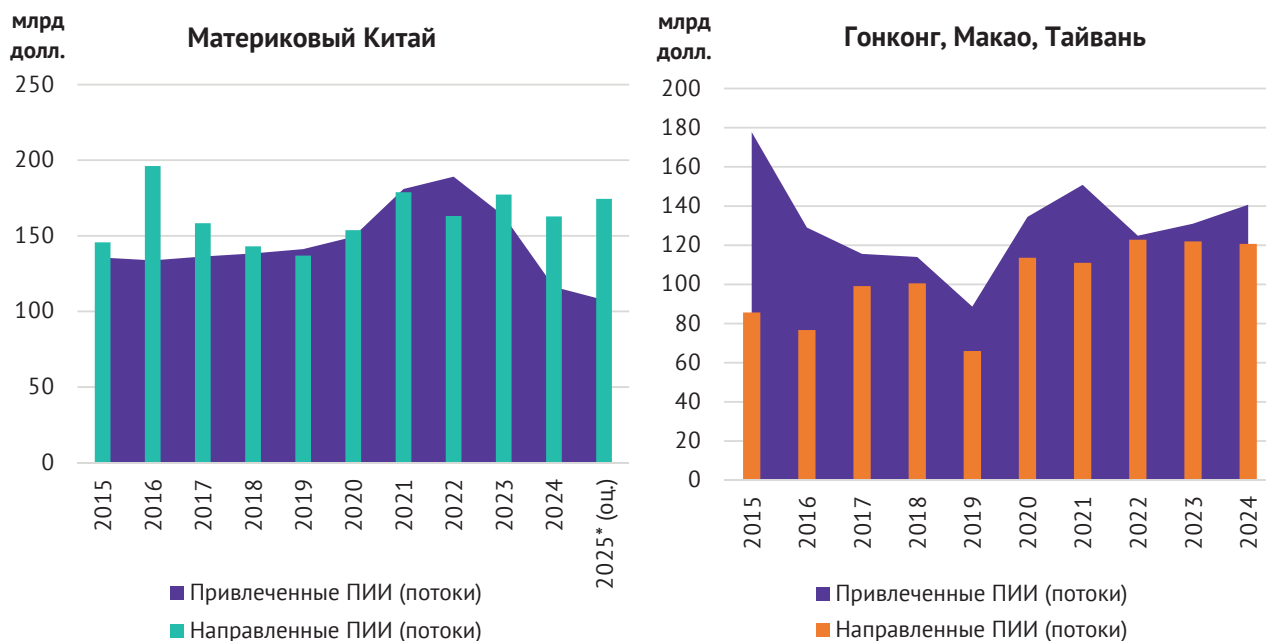

Рис. 2. Экспорт и импорт ПИИ Китаем и «территориями», 2015–2024 (2025) гг., млрд долл. (источник: рассчитано авторами по данным UNCTAD и Министерства коммерции (торговли) КНР. URL: <https://unctad.org/>; 对外贸易 经济 合作 部. 2025年我国全行业对外直接投资简明统计; URL: https://www.mofcom.gov.cn/zfxgk/gkml/art/2026/art_08401178be834f7aaab35649e22e70f6.html (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 2. China and the "territories": FDI inflows and outflows, 2015–2024 (2025), USD billion (source: authors' calculations based on UNCTAD and the Ministry of Commerce of the PRC. <https://unctad.org/>; Ministry of Commerce of the PRC. 2025 Brief Statistics on Outward Direct Investment by All Industries. URL: https://www.mofcom.gov.cn/zfxgk/gkml/art/2026/art_08401178be834f7aaab35649e22e70f6.html (accessed 17.04.2026))

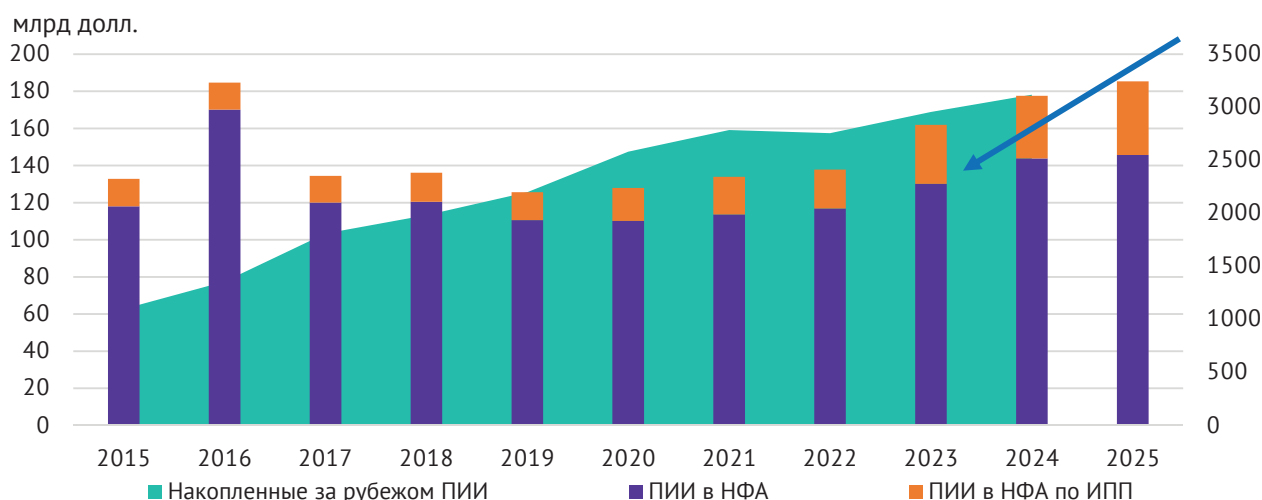

Рис. 3. Накопленные за рубежом китайские ПИИ, 2015–2025 гг., млрд долл. (источник: рассчитано авторами по данным Министерства коммерции (торговли) КНР 商务部合作司. URL: <https://data.mofcom.gov.cn/tzhz/fordirinvest.shtml>; 年我国对共建“一带一路”国家投资合作情况. URL: <https://hzs.mofcom.gov.cn/tjsj/index.html> (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 3. Accumulated Chinese FDI abroad, 2015–2025, USD billion (source: authors' calculations based on data from the Ministry of Commerce of the PRC. URL: <https://data.mofcom.gov.cn/tzhz/fordirinvest.shtml>; Annual Investment and Cooperation with Belt and Road Countries. URL: <https://hzs.mofcom.gov.cn/tjsj/index.html> (accessed 17.04.2026))

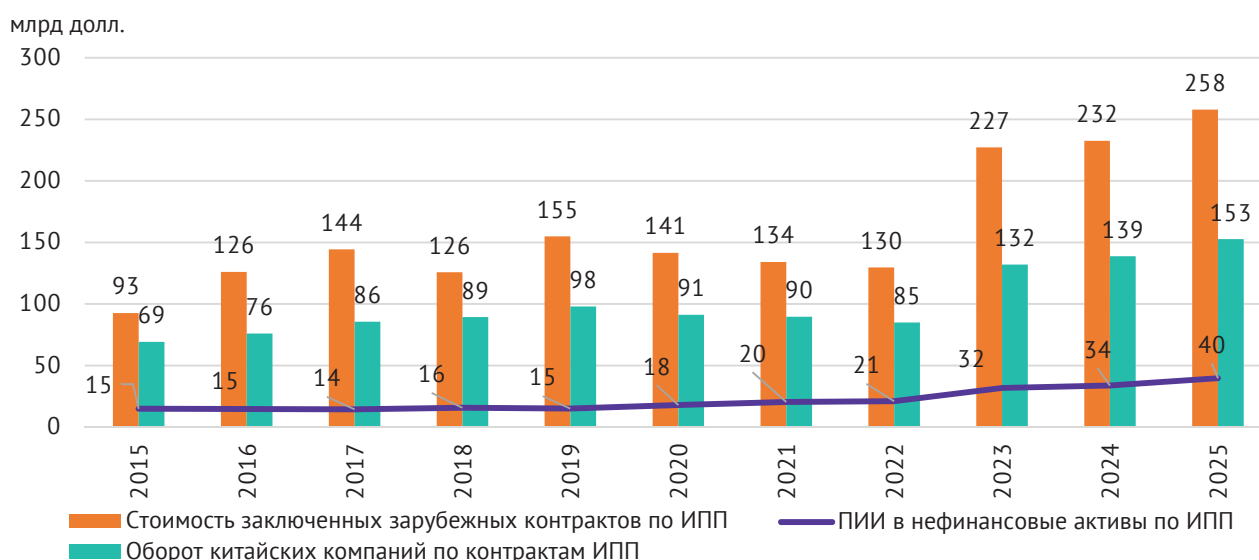

Рис. 4. Динамика показателей ИПП, 2015–2025 гг., млрд долл. (источник: рассчитано авторами по данным Министерства коммерции (торговли) КНР 年我国对共建“一带一路”国家投资合作情况. URL: <https://hzs.mofcom.gov.cn/tjsj/index.html> (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 4. Trends in FDI indicators, 2015–2025, USD billion (source: authors' calculations based on data from the Ministry of Commerce of the PRC, Annual Investment and Cooperation with Belt and Road Countries. URL: <https://hzs.mofcom.gov.cn/tjsj/index.html> (accessed 17.04.2026))

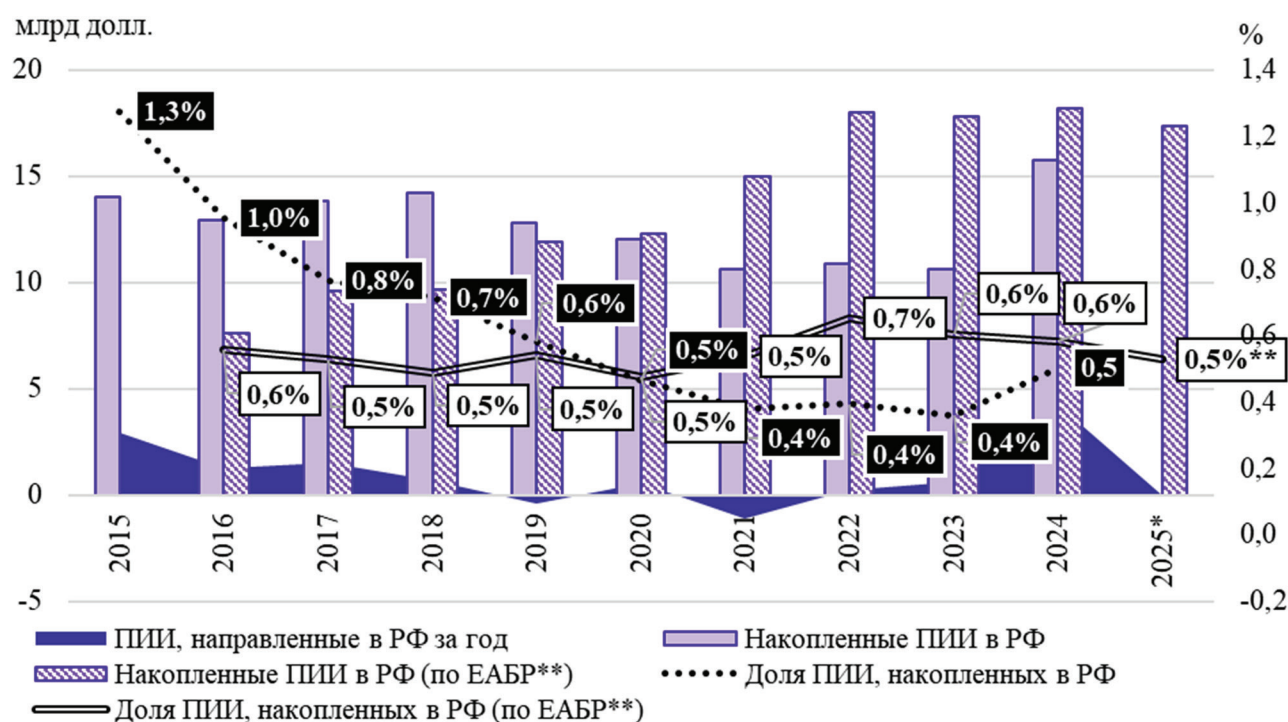
дой инвестиций, уход части операций в серую зону из-за санкций, слишком широкую агрегацию по ряду регионов в китайских источниках, что затрудняет определение динамики интересующих нас государств¹ и т. д.

Мониторинги ЕАБР задумывались как эмпирическая база данных, дополнение к официальной инвестиционной статистике, в связи с отсутствием реальных данных о накопленных

ПИИ, оценок инвестирования через третьи страны, реинвестирования и т. п. Методология сбора информации «снизу вверх» сохраняется и сегодня. И поскольку, в отличие от докладов по инвестициям UNCTAD, мониторинги ЕАБР основаны на отчетности компаний и другой первичной информации², мы ссылаемся на весь перечень

¹ К примеру, в национальных источниках КНР детализация по ПИИ публикуется не по всем странам, а по узкому списку стран, куда не входят страны ЕАЭС, кроме России.

² Евразийский банк развития. (2025). Взаимные инвестиции на Евразийском континенте: новые и старые партнеры. Доклад 25/1. Алматы-2025. URL: https://vinokurov.info/wp-content/uploads/2025/02/EDB_2025_MMI2_Report_RU.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

Примечание: * 2025 г. — оценка авторов; ** — данные ЕАБР по I полугодие 2025 г.

Рис. 5. Китайские ПИИ в России, 2015–2024 (2025*) гг., млрд долл., % (источник: рассчитано авторами по данным Китайского национального бюро статистики URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>; World Investment Report 2025. Country Fact Sheet: China. Foreign direct investment (FDI) overview, selected years. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_cn_en.pdf; World Investment Report 2025. Country Fact Sheet: Russian Federation. Foreign direct investment (FDI) overview, selected years. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_ru_en.pdf; EDB Monitoring of Mutual Investments 2022. 20.12.2024. URL: <https://eabr.org/en/analytics/special-reports/edb-monitoring-of-mutual-investments-2022/> (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 5. Chinese FDI in Russia, 2015–2024 (2025*), USD billion and % (source: authors' calculations based on data from the National Bureau of Statistics of China. URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01>; World Investment Report 2025. Country Fact Sheet: China. Foreign Direct Investment (FDI) Overview, Selected Years. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_cn_en.pdf; World Investment Report 2025. Country Fact Sheet: Russian Federation. Foreign Direct Investment (FDI) Overview, Selected Years. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_ru_en.pdf; EDB Monitoring of Mutual Investments 2022. 20 December 2024. URL: <https://eabr.org/en/analytics/special-reports/edb-monitoring-of-mutual-investments-2022/> (accessed 17.04.2026))

источников, обозначая таким образом масштаб проблемы сопоставимости. Для иллюстрации сказанного на рисунке 5 приведены данные о накопленных китайских ПИИ по версии Национального бюро статистики КНР и ЕАБР.

Информация по 2022 г. отсутствует в китайских источниках, поэтому этот год восстановлен по страновым профайлам к отчету UNCTAD. По правой оси на рисунке 5 в виде кривых показана доля накопленных прямых инвестиций КНР в РФ в объеме накопленных ПИИ Китая в мире. Видно, что данные о накопленных ПИИ Китая в РФ в разных источниках, за исключением 2020 г., существенно отличаются. В общем объеме накопленных китайских ПИИ на Россию приходится менее 1 %, наибольшее значение этого показателя — 0,7 % — пришлось на 2022 г.

Самыми значимыми инвестиционными вложениями КНР в России на 2025 г. являются проекты в области добычи и переработки минераль-

ных ресурсов: «Ямал СПГ», «Сибур», «Арктик СПГ-2», а также проекты в области автомобилестроения Great Wall Motor, «Автотор» и бытовой техники «Хайер Рус», строительства железной дороги и метрополитена при участии China Railway Construction Corporation Limited (CRCC)¹.

В региональном разрезе приграничное взаимодействие России и Китая охватывает Синьцзян-Уйгурский автономный район (新疆维吾尔自治区) — Республика Алтай; Автономный район Внутренняя Монголия (内蒙古自治区) — Забайкальский край; Хэйлунцзян (黑龙江) — Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край, Приморский край;

¹ РАСПП. (б. д.). Топ крупнейших китайских инвестиций в Россию. URL: https://raspp.ru/business_news/top-11-kitayskikh-investitsiy-v-rossiyu/?ysclid=mefmt0atul869839907 (дата обращения: 17.04.2026).

Ляонин (辽宁) — Приморский край; Цзилін (吉林) — Приморский край. В указанных регионах действуют преференциальные режимы — территории опережающего развития (ТОР). Кроме того, особый режим для инвесторов предусмотрен в зоне свободного порта Владивосток (СПВ). Приоритетными проектами для этих зон определены логистические центры для развития российско-китайского приграничного сотрудничества, международные морские грузоперевозки, приграничная торговля, высокотехнологичный экспорт, туризм, развитие услуг (Епифанова, Акулинин, 2021).

На начало 2026 г. в Дальневосточном федеральном округе реализуется 93 российско-китайских инвестиционных проекта с объемом инвестиций около 1 трлн р.¹ По данным Управления Федеральной налоговой службы (УФНС)² Приморского края, на начало 2026 г. общий объем инвестиций резидентов СПВ и ТОР составил 561 и 458 млрд р., соответственно (при этом общая сумма инвестиций пока не достигла трети от заявленных объемов)³. Можно предположить, что большая часть этих инвестиций — это китайские ПИИ. Об отраслевой структуре этих инвестиций можно судить по структуре резидентов ТОР и СПВ Приморского края, которая на конец 2025 г. выглядела так: 30 % — строительство и девелопмент, 30 % — химическая и нефтегазовая промышленность (в основном это проекты амурского газохимического кластера⁴), 11 % — логистика и транспорт. Оставшиеся 29 % пришлось на туризм и рекреацию, рыболовство и аквакультуру, сельское хозяйство и производство товаров и услуг⁵.

Следует также отметить, что в начале 2026 г. вступил в силу Федеральный закон о создании

международных территорий опережающего развития (МТОР) на Дальнем Востоке. Новый преференциальный режим призван привлечь иностранных инвесторов в приграничные российские регионы. В частности, специальный режим будет использован для 5 новых МТОР — в Амурской области, Приморском, Забайкальском и Хабаровском краях, Еврейской автономной области. Как видно, все МТОР предполагается запустить в российско-китайском приграничье, и рассчитаны эти меры на более широкое привлечение китайских инвесторов. Так, для резидентов МТОР (дополнительно к преференциям традиционных ТОР) предусмотрен увеличенный период льготной нулевой ставки налога на прибыль на 10 лет, сниженный тариф страховых взносов на 10 лет; режим конфиденциальности сведений о резидентах; стабилизация налоговых условий и правового регулирования на 15 лет; возможность открытия дополнительно филиала для иностранных банков⁶.

Важной характеристикой торгово-инвестиционного взаимодействия России и Китая является динамика торговли. В условиях антироссийских санкций основной рост китайского экспорта в Россию произошел за счет промышленной продукции, в первую очередь — высокотехнологичных товаров. На рисунке 6 представлена динамика поставок продукции китайской промышленности⁷ и отдельно — поставок автомобильной продукции⁸ в Россию с 2019 по 2025 г.

Как видно, с 2019 г. общая сумма китайского промышленного экспорта в Россию выросла в 2,5 раза (с 30,6 до 77,9 млрд долл.), при этом в 2025 г. показатель снизился по сравнению с 2024 г. на 14,5 млрд долл. Снижение 2025 г. произошло в основном за счет сокращения поставок в Россию транспортных средств (легкового и грузового назначения), которое, в свою очередь, произошло как из-за насыщения рынка, так и за счет локализации автомобильной промышленности на территории России.

Что касается российских поставок в Китай, то основная их часть — это углеводороды. В 2023–2024 гг. на долю российских углеводородов пришлось 73,3 % от всего российского экспорта в Китай, в 2025 г. — 63 %. К 2025 г. Россия поставляет почти четверть импортируемого КНР газа. Несмотря на то, что с 2023 г. Россия сохраняет первое место среди поставщиков нефти в КНР (Тураева, Яковлев, 2024), объем поставок нефти на китайский рынок в 2025 г. сократился впервые с 2021 г. (100,7 млн т на сумму 49,8 млрд долл.).

⁶ Министерство транспорта Российской Федерации. (2025, 21 июля). На Дальнем Востоке появятся международные территории опережающего развития. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/branch-news/7348> (дата обращения: 17.04.2026).

⁷ 28–40, 72–85, 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

⁸ 87 ТН ВЭД ЕАЭС.

¹ ТАСС. (2026, 26 марта). На Дальнем Востоке с участием инвесторов из Китая реализуется 93 проекта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/26902533> (дата обращения: 17.04.2026).

² Статистическая информация о российско-китайском приграничном торгово-инвестиционном сотрудничестве, прежде доступная на порталах Сибирского и Дальневосточного таможенных управлений Федеральной таможенной службы России (ФТС), ограничивается данными 2021 г.

³ РБК. (2026, 4 февраля). Резиденты СПВ и ТОР вложили в свои проекты 26,5 % заявленных инвестиций. URL: <https://prim.rbc.ru/prim/04/02/2026/69829d1e9a79472e335e07f5> (дата обращения: 17.04.2026).

⁴ Дальневосточное обозрение. (2026, 5 апреля). Инвестиции за 2025 год в Амурскую область превысили триллион рублей. URL: <https://dvobozrenie.ru/news/investicii-v-amurskuju-oblast-2025/> (дата обращения: 17.04.2026).

⁵ Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. (2026, 26 февраля). КРДВ представила главные результаты деятельности и меры господдержки резидентов ТОР и СПВ на Совете по развитию промышленности Владивостока. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/krdv_predstavila_glavnye_rezultaty_deyatelnosti_i_mery_gospodderzhki_rezidentov_tor_i_spv_na_sovete/ (дата обращения: 17.04.2026).

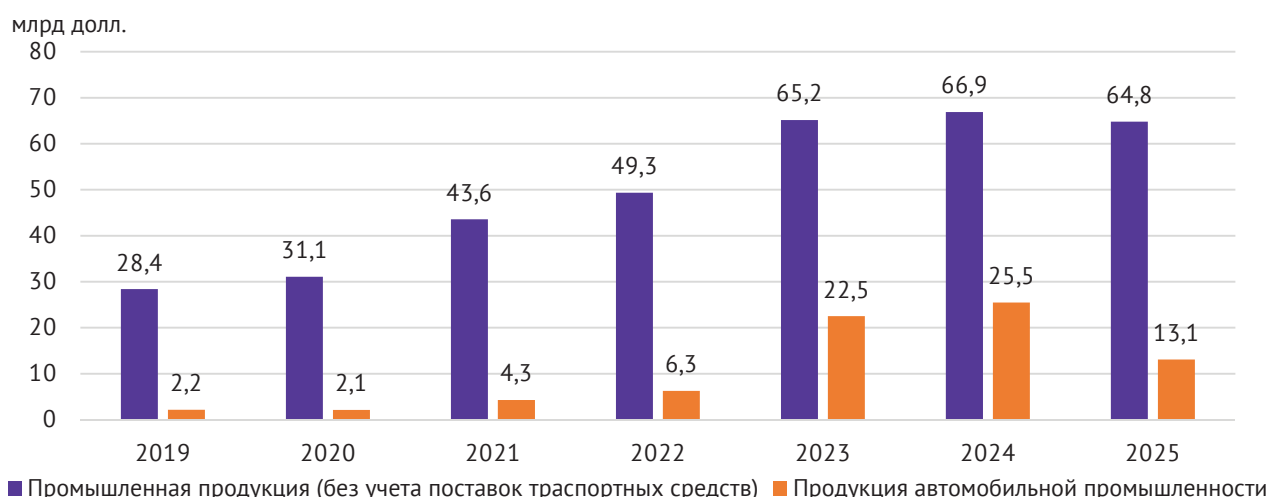

Рис. 6. Поставки продукции китайской промышленности в Россию, 2019–2025 гг., млрд долл. (источник: рассчитано авторами по данным General Administration of Customs People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 6. Supplies of Chinese industrial products to Russia, 2019–2025, USD billion (source: authors' calculations based on data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 17.04.2026))

Российские инвестиционные проекты в Китае сосредоточены в отраслях, связанных производством, логистикой и розничной торговлей. С 2022 г. российские компании, находящиеся под санкциями, не афишируют инвестиции за рубеж, в том числе и в Китай, что затрудняет анализ. Среди крупных проектов можно выделить Henan Yulian Energy Group Co. Ltd. (завод по производству электролитического алюминия), Kari (производство обуви), Sportmaster (Shanghai) Trading Co. Ltd. (сеть магазинов спортивных товаров), Shanxi Rusal Cathode Co. Ltd. (катодные заводы), Kitfort, Vitek и Garlyn (производство бытовой техники) (Ревенко, 2023).

Также важным направлением сотрудничества между Россией и Китаем, о котором не так часто упоминают в контексте торгово-инвестиционного взаимодействия, является сфера атома. Важнейшими российско-китайскими проектами являются АЭС «Тяньвань», «Сюйдапу». В 2023 г. подписаны долгосрочные межгосударственные планы по комплексному сотрудничеству в области ядерной энергетики (Тураева, Яковлев, 2024). В 2025 г. «Росатом» изготовил оборудование энергоблоков для китайских АЭС и отгрузил рекордное количество обогащенного урана в Китай¹. В китайской статистике фиксируются поставки продукции российской атомной промышленности (рис. 7).

По сравнению с 2022 г. в 2025 г. поставки ядерного оборудования в Китай выросли на 311,3 %, а обогащенного урана — на 142,1 %, причем

из этой статистики просматривается динамика цен на ядерное топливо, потому что в тоннажном выражении эта поставка выросла на 63,6 % (с 685,3 до 1120,9 тонн). В расхождении динамики стоимостного и тоннажного объемов необходимо также учитывать особенности проведения валютных операций и представления статистики в долларах.

Кроме наращивания импорта Китаем обогащенного урана, в 2025 г. наблюдался рост интереса Китая к другим радиоактивным материалам из России, в частности к радию-223 и актинию-225² (рис. 8).

Даже с учетом низкой базы и отсутствия информации в таможенной статистике КНР о поставках этих материалов до 2022 г., впечатляет, что по сравнению с 2022 г. импорт из России радия в 2025 г. вырос на 3237,5 % (до 267 тыс. долл.), а актиния — на 1782,4 % (до 3,2 млн долл.). Поставщик товаров — госкорпорация «Росатом».

Возможности для развития инвестиционного сотрудничества России и Китая в атомной сфере довольно широки. Россия — мировой лидер по технологиям замкнутого ядерного топливного цикла³ (англ. closed nuclear fuel cycle), хотя и другие страны (США, Япония, Франция) долгие годы занимаются развитием этого направления (Мясоедов и др., 2021; Першуков, Тихомиров, 2023; Wydler & Baetsle, 2001). К тому же Россия — один из миро-

² 2844 42 тн ВЭД ЕАЭС.

³ Международное агентство по атомной энергии. (2019, 4 сентября). Эффективность ядерного топливного цикла Франции: чему мы можем научиться. Бюллетень МАГАТЭ. URL: <https://www.iaea.org/ru/newscenter/news/effektivnost-yadernogo-toplivnogocikla-francii-chemu-my-mozhem-nauchitsya> (дата обращения: 17.04.2026).

¹ Атомная энергия 2.0. (2026, 2 февраля). В 2025 году Россия установила рекорд по поставкам обогащенного урана в Китай: объем отгрузок вырос на 40 %. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2026/02/02/163065> (дата обращения: 17.04.2026).

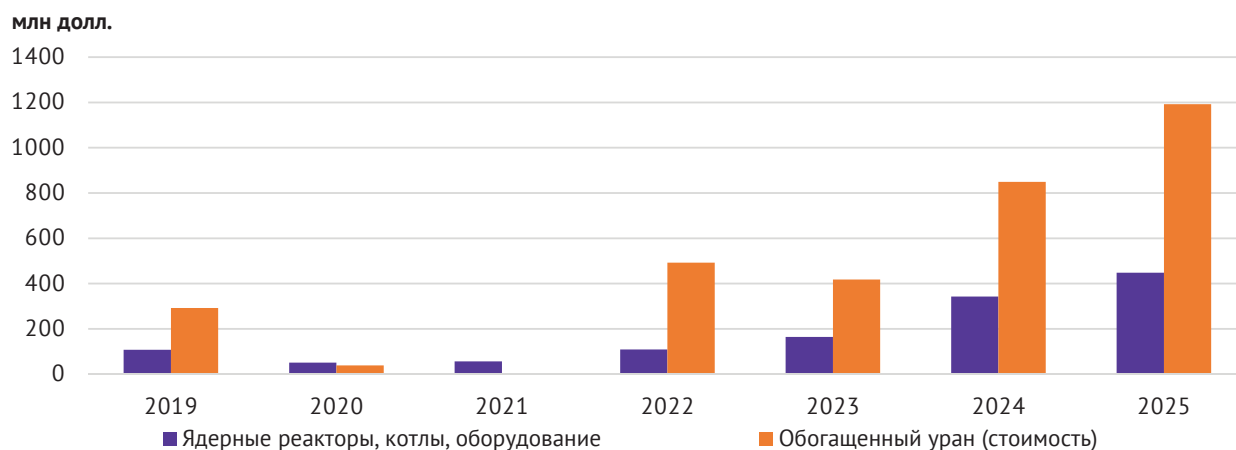

Рис. 7. Поставки продукции российской атомной промышленности в Китай, 2019–2025 гг., млн долл. (источник: рассчитано авторами по данным General Administration of Customs People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 7. Supplies of Russian nuclear industry products to China, 2019–2025, USD million (source: authors' calculations based on data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 17.04.2026))

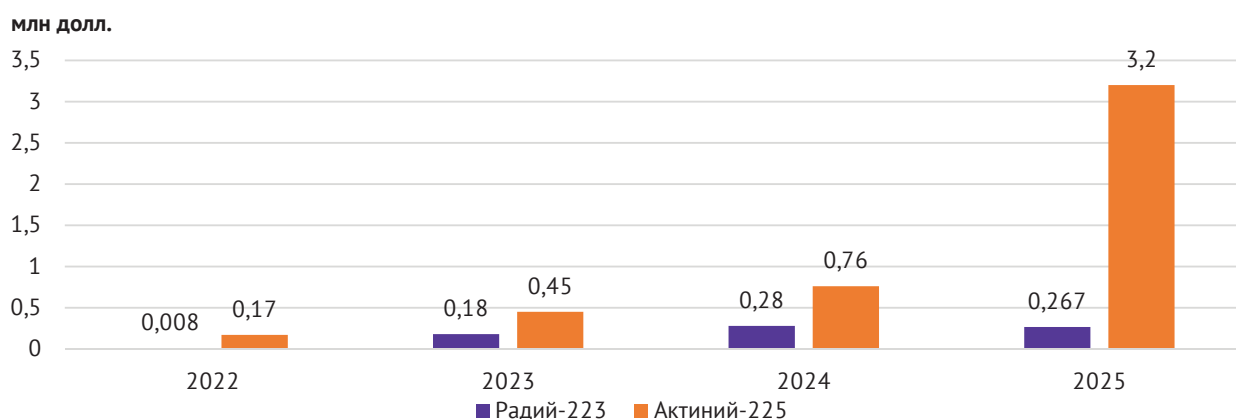

Рис. 8. Поставки российских радиоактивных материалов в Китай, 2022–2025 гг., млн долл. (источник: рассчитано авторами по данным General Administration of Customs People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 8. Supplies of Russian radioactive materials to China, 2022–2025, USD million (source: authors' calculations based on data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 17.04.2026)).

вых лидеров по урановым запасам и добыче урана и извлечению из породы (Гребенкин, Прохоров, 2025; Бойцов, 2025), а госкорпорация «Росатом» — обладатель уникальных технологий этой отрасли. Как было отмечено, на сегодняшний день Россия — это единственная страна, где реализована технология реакторов на быстрых нейтронах — натриевые теплоносители БН-600 и БН-800 на Белоярской АЭС. В настоящее время ведутся работы по сооружению энергоблока БН-1200М на Белоярской АЭС, а в г. Северске Томской области строится АЭС с реактором БРЕСТ-ОД-300¹.

Единственная за пределами России АЭС — это китайская АЭС «Сяпу» (Хиари) с быстрым реактором большой мощности. Демонстрационный реактор CEFR² и энергоблоки CFR-600 сооружались при помощи «Росатома», а поставкой топлива занимается топливная компания из дивизиона госкорпорации. Уже в 2025 г. китайская национальная ядерная корпорация (CNNC) представила проект нового реактора CFR-1000 на быстрых нейтронах (до 1,2 ГВт), что стало крупным технологическим достижением для КНР³, фактически

² Тепловая мощность — 65 МВт с возможностью произвести 20 МВт электроэнергии.

³ Interesting Engineering. (2025, July 26). Efficient Nuclear Tech: China Unveils Fourth-Gen Gigawatt-Level Fast Neutron Reactor Design. URL: <https://interestingengineering.com/energy/china-nuclear-reactor-fast-neutron-design> (дата обращения: 17.04.2026).

¹ РОСАТОМ. (2025, 2 октября). На Белоярской АЭС успешно прошла испытания система звуковидения для реактора БН-800. URL: https://www.rosenergoatom.ru/stations_projects/sayt-beloyarskoy-aes/press-tsentr/novosti/49154/ (дата обращения: 17.04.2026).

полученным при помощи России. Реактор предполагается запустить в 2034 г.

Важно обратить внимание, что в конце 2025 г. в КНР был принят новый Закон о внешней торговле¹. В законе, в частности, артикулируется, что Китай может принимать любые решения по экспорту и импорту товаров и технологий в условиях войны или иных других чрезвычайных ситуаций в международных отношениях. Сфера ядерной энергетики — одна из немногих, где у России сохраняется неоспоримое технологическое преимущество. Для Китая развитие атомной энергетики и технологий замкнутого цикла — вопрос обеспечения не только энергетического суверенитета, но и национальной безопасности в целом. Поэтому сотрудничество в области мирного атома является одним из направлений, которое может корректировать общий пока сложившийся тренд — российские энергоресурсы в обмен на высокотехнологичную продукцию из Китая.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что инвестиционная стратегия КНР последовательно развивается, сохраняя приверженность идеям китайской модернизации. Ее основной задачей является реагирование на возникающие вызовы и решение внутренних и внешних проблем, стоящих перед китайской экономикой, через экспорт капитала. Развитие взаимного сотрудничества России и Китая является весьма

важным как для сохранения политико-экономической стабильности внутри каждой из стран, так и в регионе в целом. Текущие объемы инвестиционного сотрудничества Китая и России отстают от уровня политических и торговых связей. К проблемам развития инвестиционных связей между странами можно отнести геополитическую неопределенность, риск вторичных санкций для китайских компаний, проблемы, связанные с развитием логистических маршрутов и удаленностью финансовых центров двух стран, различия в законодательстве и регуляторной среде, сложность административных барьеров и высокий уровень коррупции. Отдельной проблемой выглядят культурные и языковые ограничения. Решение этих проблем требует углубления межправительственного диалога, создания совместных инвестиционных фондов, упрощения визовых режимов для бизнеса и развития образовательных программ по межкультурной коммуникации. Вместе с тем китайские инвестиции уже сейчас играют существенную роль в экономике России в отраслях, связанных с ресурсодобывающей промышленностью. Дальнейшее расширение российско-китайских инвестиционных связей может стать противопоставлением глобальным вызовам в условиях меняющегося миропорядка. Обоюдновыгодными становятся совместные проекты в области производства высокотехнологичной продукции, атомной энергетики. Концепт инициативы «Пояс и путь» при этом останется динамичным, и в перспективе изменения в инвестиционной политике на внешнем контуре Китая будут отражать модификацию политического курса КНР под влиянием экзогенных и эндогенных детерминантов.

¹ 全国人民代表大会常务委员会 [Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей]. (2025, 27 декабря). 中华人民共和国对外贸易法 [Закон о внешней торговле КНР]. 中华人民共和国商务部. URL: <https://hzf.mofcom.gov.cn/article/zyfw/flfw/swflfggz/flfwfl/202509/172.html> (дата обращения: 17.04.2026).

Список источников

- Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В., Ильясов, П. В. (2025). Роль России и Китая в развитии интеграционного контура Большого Евразийского партнерства. *Экономика региона*, 21 (3), 630–642. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4>
- Бойцов, А. В. (2025). Состояние и перспективы развития мировой сырьевой базы и производства урана. *Разведка и охрана недр*, (5), 4–11. https://doi.org/10.53085/0034-026X_2025_5_04
- Глинкина, С. П. (2016). Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба евразийской интеграции. *Научные труды Вольного экономического общества России*, 202 (5), 107–123.
- Гребенкин, Н. А., Прохоров, Д. А. (2025). Минерально-сырьевая база урана России, задачи и направления геологоразведочных работ по ее развитию. *Разведка и охрана недр*, (5), 16–22. https://doi.org/10.53085/0034-026X_2025_5_16
- Епифанова, Н. С., Акулинин, В. Н. (2021). Приграничная торговля регионов России и провинций Китая. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология*. 20 (10), 103–116. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-10-103-116>
- Ефременко, Д. В. (2018). Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*, 23 (23), 29–41. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2018-10003>
- Кузнецов, А. В. (2007а). Структура российских прямых капиталовложений. *Мировая экономика и международные отношения*, (4), 69–76.

- Кузнецов, А. В. (2007б). *Интернационализация российской экономики: Инвестиционный аспект*. Москва: КомКнига, 288.
- Кузнецов, А. В. (2012). Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. *Евразийская экономическая интеграция*, (4(17)), 007–031.
- Кулинцев, Ю. В. (2021). Стратегия «двойной циркуляции» и ее влияние на российско-китайские отношения. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*, 26(26), 242–255. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-242-255>
- Ларин, А. Г. (2016). К анализу сущности проекта ЭПШП и его сопряжения с ЕАЭС. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*, 21(21), 138–149.
- Лузянин, С. Г. (2017). «Один пояс, один путь»: российская проекция и проблемы сопряжения. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*, 22(22), 27–36. <https://doi.org/10.24411/9785-0324-2017-00002>
- Лузянин, С. Г., Афонасьева, А. В. (2017). Один пояс, один путь — политические и экономические измерения. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, (40), 5–14. <https://doi.org/10.17223/19988648/40/1>
- Макаров, И. А., Соколова, А. К. (2016). Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 11(2), 40–57.
- Мясоедов, Б. Ф., Калмыков, С. Н., Шадрин, А. Ю. (2021). Химические технологии замыкания ядерного топливного цикла. *Вестник Российской академии наук*, 91(5), 459–469. <https://doi.org/10.31857/S0869587321050170>
- Першуков, В. А., Тихомиров, Г. В. (2023). Замкнутый ядерный топливный цикл. *Энергетический вестник*, (28), 88–95.
- Ревенко, Н. С. (2023). Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: состояние и перспективы. *Российский внешнеэкономический вестник*, (6), 30–43. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-6-30-43>
- Скосырев, В. (2025). Трансформация инициативы «Пояс и путь» в контексте новых установок внутреннего развития КНР. *Экономическая политика*, 20(2), 106–123. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2025-2-106-123>
- Скриба, А. С. (2016). Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 11(3), 67–81. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2016-03-67>
- Тураева, М. О., Яковлев, А. А. (2024). Сотрудничество России и Китая в новых условиях: некоторые экономические итоги 2023 г. *Россия и современный мир*, (3(124)), 6–29. <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.01>
- Тураева, М. О., Яковлев, А. А. (2025). Торгово-инвестиционное сотрудничество Китая и ЕАЭС: итоги десятилетия. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 16(10(156)), 31. <https://doi.org/10.18254/S207987840036873-9>
- Чжу, Ц., Вэй, Ю. (2022). Китай и ВТО: трудное вступление и становление в качестве лидера. *Вестник международных организаций*, 17(3), 7–22. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-03-01>
- Chen, H. (2024). The impact of the US-China trade war on the global macroeconomy. *SHS Web of Conferences*, 188, 02013. <http://doi.org/10.1051/shsconf/202418802013>
- Gong, X. (2019). The Belt & Road initiative and China's influence in Southeast Asia. *The Pacific Review*, 32(4), 635–665. <https://doi.org/10.1080/09512748.2018.1513950>
- Gopalakrishnan, B. N., Chakravarthy, S. L., Tewary, T., & Jain, V. (2022). Isolating China: Deglobalisation and its impact on global value chains. *Foreign Trade Review*, 57(4), 390–407. <https://doi.org/10.1177/00157325211045463>
- Gottwald-Belinic, M., & Sonora, R. J. (2024). Chinese investment scope behind the “14+1” initiative: The effects of Chinese FDI and BRI investment on CEE exports. *Asian Perspective*, 48(2), 177–199. <https://doi.org/10.1353/apr.2024.a928613>
- Humayun, R. T. (2024). *Russian-Chinese political economic interests in the Shanghai Cooperation Organization (SCO): Challenges and future prospects*. Chişinău: Eliva Press, 174.
- Liu, W., & Yao, Q. (2021). Theorizing Belt and Road construction mode from institutional and cultural perspectives. *Journal of Geographical Sciences*, 31, 623–640. <https://doi.org/10.1007/s11442-021-1862-8>
- Malle, S. (2017). Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behaviour. *Journal of Eurasian Studies*, 8(2), 136–150. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003>
- Meng, G., Wang, R. & Wang, S. (2023). A review of China's overseas economic and trade cooperation zones along the Belt and Road: Progress and prospects. *Journal of Geographical Sciences*, 33, 1505–1526. <https://doi.org/10.1007/s11442-023-2140-8>
- Rahman, Z. U. (2022). A comprehensive overview of China's belt and road initiative and its implication for the region and beyond. *Journal of Public Affairs*, 22, e2298. <https://doi.org/10.1002/pa.2298>
- Sarker, M. N. I., Hossin, M. A., Yin, X. H., & Sarkar, M. K. (2018). One Belt One Road initiative of China: Implication for future of global development. *Modern Economy*, 9(4), 623–638. <https://doi.org/10.4236/me.2018.94040>
- Shakhriyor, G. (2024). Factors affecting Chinese Enterprises' investment in Central Asian Markets. *Modern Economics & Management Forum*, 5(3), 592–598. <https://doi.org/10.32629/memf.v5i3.2395>

- Wei, W., Li, Q., Yu, Z., Wang, Y., & Wang, H. (2024). Study on measurement and influencing factors of trade embodied carbon-based on China-Russia agricultural products trade. *Polish Journal of Environmental Studies*, 33(5), 5381–5390. <http://dx.doi.org/10.15244/pjoes/183075>
- Wyddler, P., & Baetsle, L. H. (2001). Closing the nuclear fuel cycle: Issues and perspectives. *Organisation for Economic Co-Operation and Development Nuclear Energy Agency*, 31–49.
- Zhang, X., & Corrie, B. P. (2018). The history of Chinese direct foreign investment. In *Investing in China and Chinese Investment Abroad* (pp. 211–227). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-10-7983-2_11
- Zhao, H. (2018). Greater Eurasian partnership: China's perspective. *China International Studies*, (68), 68–84.
- Zhao, S. (2011). Review of anti-dumping and countervailing measures against the United States. In L. Chenggang (Ed.), *Game of WTO rules: Ten years of China's legal practice in WTO dispute settlement* (pp. 133–134). Beijing: The Commercial Press.
- Zheng, X., & Chun, H. (2010). Evaluation of foreign direct investment policy in China in the perspective of institutional stability and change. *Special Zone Economy*, (8), 240–241.
- 王雨婷 [Ван, Ю.] (2024). 中国对俄直接投资问题分析 [Анализ прямых инвестиций Китая в Россию]. 北方金融, [Северные финансы], (2), 14–17.
- 戴利研, 杨行行 [Дай, Л., Ян, Х.] (2023). 西方对俄制裁持续升级背景下中俄经贸合作策略分析 [Анализ стратегии китайско-российского экономического и торгового сотрудничества в контексте продолжающейся эскалации западных санкций против России]. 欧亚经济, [Евразийская экономика], (6), 23–46.
- 徐鸿, 徐子辉, 张玉 [Сюй, Х., Сюй, Ц., Чжан, Ю.] (2025). 北大荒集团对俄投资前景分析及对策建议 [Анализ инвестиционных перспектив Beidahuang Group в России и предложения по контрмерам]. 中国农垦, [Сельскохозяйственная рекультивация Китая], (1), 121–124.
- 张春萍 [Чжан, Ч.] (2022). 俄乌冲突下俄罗斯投资环境研究 [Исследование инвестиционного климата в России в условиях российско-украинского конфликта]. 商业经济, [Экономика бизнеса], (8), 179–181.

References

- Andreeva, E. L., Ratner, A. V., & Ilyasov, P. V. (2025). The Role of Russia and China in the Development of the Integration Outline of the Greater Eurasian Partnership. *Ekonomika Regiona [Economy of Regions]*, 21 (3), 630–642. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4> (In Russ.)
- Boytsov, A. V. (2025). Status and Prospects of Global Uranium Resources and Production Development. *Razvedka i Okhrana Nedr [Exploration and Protection of Subsoil]*, (5), 4–11. https://doi.org/10.53085/0034-026X_2025_5_04 (In Russ.)
- Chen, H. (2024). The Impact of the US-China Trade War on the Global Macroeconomy. *SHS Web of Conferences*, 188, 02013. <http://doi.org/10.1051/shsconf/202418802013> (Date of access: 17.04.2026).
- Dai, L., & Yang, X. (2023). Xifang dui e zhancai chixu shengji beijing xia zhong e jingmao hezuo celve fenxi [Analysis of China-Russia Economic and Trade Cooperation Strategies in the Context of the Continuous Escalation of Western Sanctions Against Russia]. *Ouyajingji [Eurasian Economy]*, (6), 23–46. (In Chinese)
- Efremenko, D. V. (2018). Conjunction of China's Silk Road Economic Belt Initiative and the Eurasian Economic Union Integration Project in the Context of Contemporary World Order Transformations. *Kitay v Mirovoy i Regional'noy Politike. Istoriya i Sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, 23(23), 29–41. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2018-10003> (In Russ.)
- Epifanova, N. S., & Akulinin, V. N. (2021). Border Trade between Regions of Russia and Provinces of China. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology]*, 20(10), 103–116. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-10-103-116> (In Russ.)
- Glinkina, S. P. (2016). China's Post-Soviet Space Development Strategy and the Destiny of Eurasian Integration. *Nauchnye Trudy Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva Rossii [Scientific Papers of the Free Economic Society of Russia]*, 202(5), 107–123. (In Russ.)
- Gong, X. (2019). The Belt & Road Initiative and China's Influence in Southeast Asia. *The Pacific Review*, 32(4), 635–665. <https://doi.org/10.1080/09512748.2018.1513950>
- Gopalakrishnan, B. N., Chakravarthy, S. L., Tewary, T., & Jain, V. (2022). Isolating China: Deglobalisation and Its Impact on Global Value Chains. *Foreign Trade Review*, 57(4), 390–407. <https://doi.org/10.1177/00157325211045463>
- Gottwald-Belinic, M., & Sonora, R. J. (2024). Chinese Investment Scope Behind the “14+1” Initiative: The Effects of Chinese FDI and BRI Investment on CEE Exports. *Asian Perspective*, 48(2), 177–199. <https://doi.org/10.1353/apr.2024.a928613>
- Greibenkin, N. A., & Prokhorov, D. A. (2025). Mineral Resources of Uranium in Russia, Tasks and Directions of Geological Exploration for Their Development. *Razvedka i Okhrana Nedr [Exploration and Protection of Subsoil]*, (5), 16–22. https://doi.org/10.53085/0034-026X_2025_5_16 (In Russ.)
- Humayun, R. T. (2024). *Russian-Chinese Political Economic Interests in the Shanghai Cooperation Organization (SCO): Challenges and Future Prospects*. Chişinău: Eliva Press, 174.
- Kulintsev, Yu. V. (2021). “Dual Circulation” Strategy and Its Impact on Russian-Chinese Relations. *Kitay v Mirovoy i Regional'noy Politike. Istoriya i Sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, 26(26), 242–255. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-242-255> (In Russ.)

- Kuznetsov, A. V. (2007a). Composition of Russian Direct Investments. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnyye Otnosheniya* [World Economy and International Relations], (4), 69–76. (In Russ.)
- Kuznetsov, A. V. (2007b). *Internatsionalizatsiya Rossiiskoi Ekonomiki: Investitsionnyi Aspekt*. [Internationalization of the Russian Economy: Investment Aspect]. Moscow: KomKniga, 288. (In Russ.)
- Kuznetsov, A. V. (2012). Monitoring Mutual Investments in the CIS Countries. *Yevraziyskaya Ekonomicheskaya Integratsiya* [Eurasian Economic Integration], (4(17)), 007–031. (In Russ.)
- Larin, A. G. (2016). Analyzing the Essence of the SREB Project and Its Conjugation with the EAEU. *Kitay v Mirovoy i Regional'noy Politike. Istoriya i Sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 21 (21), 138–149. (In Russ.)
- Liu, W., & Yao, Q. (2021). Theorizing Belt and Road Construction Mode from Institutional and Cultural Perspectives. *Journal of Geographical Sciences*, 31, 623–640. <https://doi.org/10.1007/s11442-021-1862-8>
- Lusianin, S. G. (2017). “One Belt, One Road”: Russian Projection and Problems of Conjunction. *Kitay v Mirovoy i Regional'noy Politike. Istoriya i Sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 22 (22), 27–36. <https://doi.org/10.24411/9785-0324-2017-00002> (In Russ.)
- Lusianin, S. G., & Afonaseva, A. V. (2017). Belt and Road Initiative - Political and Economic Dimensions. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economics], (40), 5–14. <https://doi.org/10.17223/19988648/40/1> (In Russ.)
- Makarov, I. A., & Sokolova, A. K. (2016). The Conjugation of Eurasian Integration and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia. *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsiy: Obrazovaniye, Nauka, Novaya Ekonomika* [Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy], 11 (2), 40–57. (In Russ.)
- Malle, S. (2017). Russia and China in the 21st Century. Moving Towards Cooperative Behaviour. *Journal of Eurasian Studies*, 8 (2), 136–150. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003>
- Meng, G., Wang, R. & Wang, S. A. (2023). Review of China's Overseas Economic and Trade Cooperation Zones Along the Belt and Road: Progress and Prospects. *Journal of Geographical Sciences*, 33, 1505–1526. <https://doi.org/10.1007/s11442-023-2140-8>
- Myasoedov, B. F., Kalmykov, S. N., & Shadrin, A. Yu. (2021). Chemical Technologies for Closing the Nuclear Fuel Cycle. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 91 (5), 459–469. <https://doi.org/10.31857/S0869587321050170> (In Russ.)
- Pershukov, V. A., & Tikhomirov, G. V. (2023). Closed Nuclear Fuel Cycle. *Energeticheskiy Vestnik* [Energy Bulletin], (28), 88–95. (In Russ.)
- Rahman, Z. U. (2022). A Comprehensive Overview of China's Belt and Road Initiative and its Implication for the Region and Beyond. *Journal of Public Affairs*, 22, e2298. <https://doi.org/10.1002/pa.2298>
- Revenko, N. S. (2023). Russia-China Investment Cooperation: Current State and Prospects. *Rossiiskii Vneshneekonomicheskii Vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], (6), 30–43. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-6-30-43> (In Russ.)
- Sarker, M. N. I., Hossin, M. A., Yin, X. H., & Sarkar, M. K. (2018). One Belt One Road Initiative of China: Implication for Future of Global Development. *Modern Economy*, 9 (4), 623–638. <https://doi.org/10.4236/me.2018.94040>
- Shakhriyov, G. (2024). Factors Affecting Chinese Enterprises' Investment in Central Asian Markets. *Modern Economics & Management Forum*, 5 (3), 592–598. <https://doi.org/10.32629/memf.v5i3.2395>
- Skosyrev, V. A. (2025). Transformation of the Belt and Road Initiative Under the New Guidelines for China's Internal Development. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 20 (2), 106–123. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2025-2-106-123> (In Russ.)
- Skriba, A. S. (2016). Connecting the EAEU and the Silk Road Economic Belt: Interests of Participants and Challenges of Implementation. *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsiy: Obrazovaniye, Nauka, Novaya Ekonomika* [Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy], 11 (3), 67–81. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2016-03-67> (In Russ.)
- Turaeva, M. O., & Yakovlev, A. A. (2024). Russia and China Cooperation in a New Environment: Some Economic Results from 2023. *Rossiya i Sovremennyyi Mir* [Russia and the Contemporary World], (3(124)), 6–29. <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.01> (In Russ.)
- Turaeva, M., & Yakovlev, A. A. (2025). Trade and Investment Cooperation between China and the EAEU: Results of the Decade. *Elektronnyi Nauchno-Obrazovatel'nyi Zhurnal "Istoriya"* [Istoriya], 16 (10(156)), 31. <https://doi.org/10.18254/S207987840036873-9> (In Russ.)
- Wang, Y. (2024). Zhongguo dui e zhijie touzi wenti fenxi [Analysis of China's Direct Investment in Russia]. *Beifang Jinrong* [Northern Finance], (2), 14–17. (In Chinese)
- Wei, W., Li, Q., Yu, Z., Wang, Y., & Wang, H. (2024). Study on Measurement and Influencing Factors of Trade Embodied Carbon-Based on China-Russia Agricultural Products Trade. *Polish Journal of Environmental Studies*, 33 (5), 5381–5390. <http://dx.doi.org/10.15244/pjoes/183075>
- Wydlar, P., & Baetsle, L. H. (2001). Closing the Nuclear Fuel Cycle: Issues and Perspectives. *Organisation for Economic Co-Operation and Development Nuclear Energy Agency*, 31–49.

- Xu, H., Xu, Z., & Zhang, Y. (2025). Beidahuang jituan dui e touzi qianjing fenxi ji duice jianyi [Analysis of Beidahuang Group's Investment Prospects in Russia and Suggestions for Countermeasures]. *Zhongguo Nongken [China Agricultural Reclamation]*, (1), 121–124. (In Chinese)
- Zhang, C. (2022). E wu chongtu xia eluosi touzi huanjing yanjiu [Research on Russia's Investment Environment Under the Russia-Ukraine Conflict]. *Shangye Jingji [Business Economy]*, (8), 179–181. (In Chinese)
- Zhang, X., & Corrie, B. P. (2018). The History of Chinese Direct Foreign Investment. In *Investing in China and Chinese Investment Abroad* (pp. 211–227). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-10-7983-2_11
- Zhao, H. (2018). Greater Eurasian Partnership: China's Perspective. *China International Studies*, (68), 68–84.
- Zhao, S. (2011). Review of Anti-Dumping and Countervailing Measures Against the United States. In L. Chenggang (Ed.), *Game of WTO Rules: Ten Years of China's Legal Practice in WTO Dispute Settlement* (pp. 133–134). Beijing: The Commercial Press.
- Zheng, X., & Chun, H. (2010). Evaluation of Foreign Direct Investment Policy in China in the Perspective of Institutional Stability and Change. *Special Zone Economy*, (8), 240–241.
- Zhu, J., & Wei, Yu. (2022). China and the WTO: From Difficult Access to Partial Leadership. *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsii: Obrazovanie, Nauka, Novaya Ekonomika [International Organisations Research Journal]*, 17 (3), 7–22. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-03-01> (In Russ.)

Информация об авторах

Тураева Мадина Октамовна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН; Scopus Author ID: 57310627000; <https://orcid.org/0000-0002-7666-6509> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: m.o.turaeva@gmail.com).

Яковлев Артём Александрович — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН; заместитель директора Московской школы экономики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Scopus Author ID: 57310627000; <https://orcid.org/0009-0004-5579-4458> (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: ikovlevartem@yandex.ru).

About the authors

Madina O. Turaeva — Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; Scopus Author ID: 57310627000; <https://orcid.org/0000-0002-7666-6509> (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: m.o.turaeva@gmail.com).

Artem A. Yakovlev — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University; Scopus Author ID: 57310627000; <https://orcid.org/0009-0004-5579-4458> (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; 1, Leninskie Gory St., Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: ikovlevartem@yandex.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 08.02.2026.

Прошла рецензирование: 06.04.2026.

Принято решение о публикации: 03.07.2026.

Received: 08 Feb 2026.

Reviewed: 06 Apr 2026.

Accepted: 03 Jul 2026.